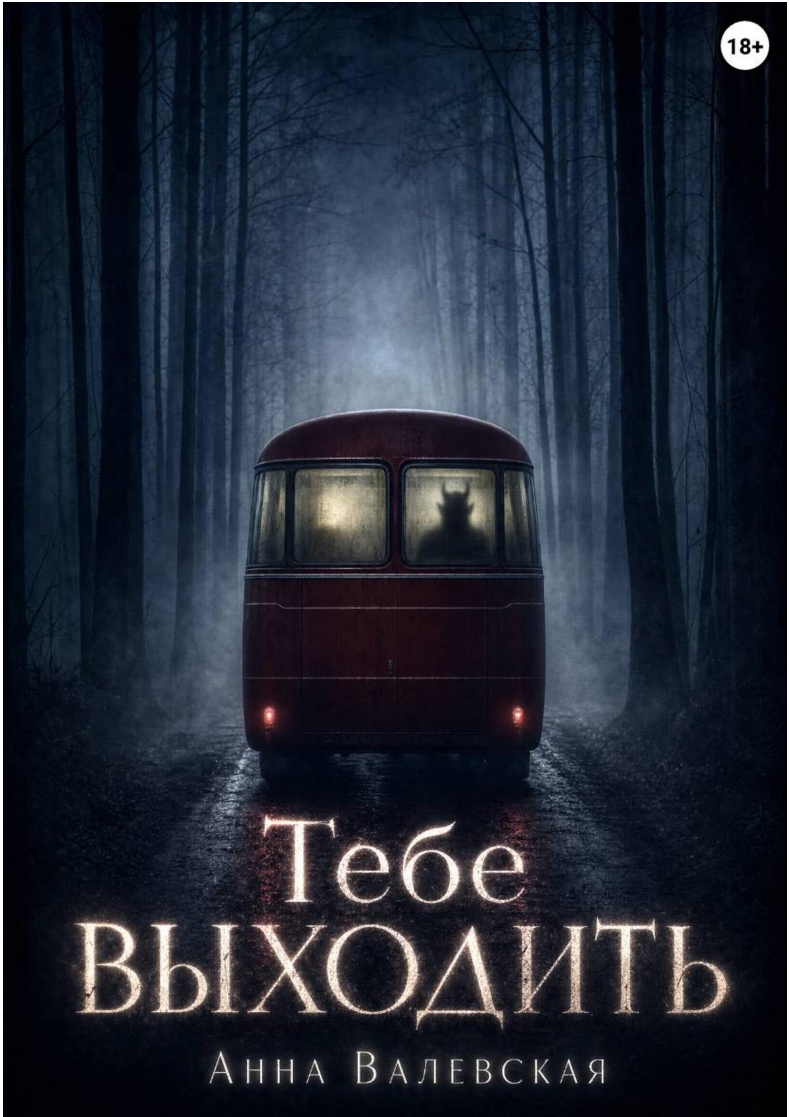

18+
Тебе
ВЫХОДИТЬ
Анна Валевская

Анна Валевская
Тебе выходить

https://litres.ru/74759312
SelfPub; 2026

Аннотация

Десять пассажиров. Последний ночной рейс. Дорога, которой нет на карте.

Водитель исчез. Связи нет. Окна не разбить. Двери открываются сами — только на остановках, которых не существует.

На первой остановке мужчина выходит и забывает собственное имя. На второй исчезает девушка.

Остальные ещё надеются, что это чей-то жестокий эксперимент.

Но автобус продолжает ехать.

И следующая остановка уже близко.

Тебе выходить.

Содержание

Глава 1. Последний рейс 4
Глава 2. Дорога без названия 17
Глава 3. Кто вы такие? 29
Глава 4. Девять 42
Глава 5. Список 51
Глава 6. Человек с экрана 61
Глава 7. Обратно 70
Глава 8. Одна и та же дорога 84
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Анна Валевская
Тебе выходить

Глава 1. Последний рейс

Дождь кончился, пока Илья сдавал смену. В выбоинах у служебного подъезда дрожал свет аптеки; дальше, за пустой парковкой, в чёрной воде отражались окна офиса. Он поднял воротник. Ноябрьский воздух пах мокрым бетоном и выхлопом.

На часах было 00:11.

Такси обещали через четыре минуты. Илья закрыл приложение: придётся назвать водителю адрес, ответить на дежурное «как денёк?». Автобус № 17Н должен прийти в 00:17. Шесть минут под навесом, потом три остановки от проспекта до дома. Он выбрал шесть минут.

Он натянул капюшон и пошёл к остановке.

Две недели назад начальник предложил ему взять отпуск. Не из заботы — Илья за последнюю смену трижды неправильно оформил заявки, а один раз так и оставил открытым шкаф со связным оборудованием. Начальник постоял за спиной и сказал, что нормальные люди после такого берут паузу. Илья ответил, что дома ему делать нечего.

Это была правда, но не вся.

В телефоне коротко завибрировало уведомление.

Мама: «Ты домой добрался?»

Илья провёл пальцем по экрану, не открывая сообщение. Вверху списка чатов оставалась Маша. Два месяца назад он написал: «Давай вечером встретимся. Надо нормально поговорить». Следом пришёл её ответ: «Только давай нормально поговорим, ладно?»

Под его сообщением до сих пор стояли две серые галочки.

Он погасил экран. Сообщение осталось там, под стеклом; никуда не делось.

На остановке под козырьком стояли двое. Женщина в тёмном пальто говорила по телефону так громко, что её было слышно ещё с тротуара:

— Нет, я не собираюсь завтра вместо неё выходить. Пусть сама решает свои проблемы. Я сегодня с половины восьмого на ногах, между прочим.

Рядом парень в серой толстовке смотрел на приближающиеся огни машин. На его рюкзаке болтался брелок в форме маленькой печатной платы.

— Семнадцатый ночной здесь останавливается? — спросил он у Ильи.

— Здесь.

— В приложении написано, что через две минуты. А вон табло утверждает, что через девять.

— Значит, кто-то ошибается.

Парень посмотрел на него с удивлением, словно ожидал

подробного объяснения.

— Сильная мысль, — сказал он.

Илья невольно усмехнулся. На секунду ему даже захотелось продолжить разговор, но желание быстро прошло.

Из-за поворота вышел автобус: небольшой, новый, с широким лобовым стеклом и голубой полосой вдоль кузова. На табло светилось «17Н». Под номером бегущая строка сообщала: «ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС».

Передняя часть салона была отделена от кабины водителя высокой перегородкой с затемнённой вставкой. Пассажирская дверь располагалась сразу за ней. Илья ездил на этом маршруте несколько раз в неделю и не мог вспомнить ни лица водителя, ни того, чтобы когда-нибудь видел его выходящим из-за перегородки. Водители вообще редко запоминались.

Дверь шипнула. Пахнуло мокрой резиной, тёплым пластиком и чьими-то духами.

Женщина в пальто прошла первой, приложила карту к валидатору и тут же продолжила спорить по телефону. Парень с рюкзаком задержался у поручня, потому что оплата не проходила. Илья терпеливо ждал.

— Сети нет, что ли? — пробормотал тот. — А, всё. Спасибо.

— Я ничего не сделал.

— Вот именно.

Илья приложил карту, услышал короткий писк и прошёл

в салон.

Он машинально пересчитал людей. Не потому, что любил считать, — просто искал свободное место, куда никто не захочет подсесть.

Спереди сидел коренастый мужчина лет пятидесяти с тяжёлыми щеками и мокрыми рукавами. Он держал на коленях плоскую коробочку, перетянутую серебристой лентой. Рядом с ним женщина лет двадцати семи печатала сообщение длинными ногтями и постоянно стирала написанное.

Чуть дальше пожилая женщина в аккуратном сером пальто укладывала в сумку сложенный платок. Напротив — широкоплечий седой мужчина охранял пакет с продуктами так внимательно, будто в нём лежали деньги.

На задних местах у окна сидел худой человек в тёмном дорогом пальто. Он смотрел в экран телефона, повернув его к себе почти вплотную. На соседнем ряду — мужчина в чёрной куртке поверх тёмной рубашки. Из-под воротника виднелся маленький деревянный крест.

И ещё одна пассажирка, девушка с тёмными волосами, собранными в низкий хвост. Она сидела у окна ближе к середине салона, подложив ладонь под щёку, и смотрела не на экран, а на мокрую улицу.

Илья выбрал сиденье через проход от неё.

— Окно не течёт? — спросила девушка, когда он сел.

Он поднял голову.

— Не заметил.

— Здесь сверху капало. Я подумала, может, вы пересядете, пока куртку не намочили.

Илья провёл ладонью по спинке своего кресла. Сухо.

— Спасибо. Кажется, нормально.

Она кивнула и опять посмотрела в окно.

Ему почему-то стало неловко от того, что разговор закончился так быстро.

Пока пассажиры устраивались, мужчина в дорогом пальто у заднего окна провёл пальцем по экрану телефона, прижал его к уху и тихо произнёс:

— Я в дороге. Нет, до дома ещё не добрался. Утром позвоню. Как она там?

Он долго слушал. Потом ответил так тихо, что Илья разобрал только последние слова:

— Я помню. Я всё помню.

У мужчины был голос человека, который повторял эту фразу много раз за день и каждый раз понимал, как мало она помогает.

Геннадий впереди начал искать в карманах мелочь, хотя уже оплатил проезд. Высыпал на ладонь ключи, чек с заправки и монеты. Серебристая ленточка на коробке сползла. Он осторожно поправил бантик, оглянулся, не заметил ли кто, и тут же насупился.

Илья поймал этот жест. Грубый, раздражённый мужчина, который только что ругался со всеми подряд, поправлял бантик так бережно, будто узел мог развязаться от одного взгля-

да. Маша наверняка заметила бы это первой. Ей всегда удавалось разглядеть в незнакомом человеке что-то, чего Илья не видел.

Однажды в супермаркете она проследила за пожилым мужчиной, который долго выбирал один-единственный персик, и заявила, что ему наверняка есть для кого покупать самый лучший. Илья тогда пожал плечами. Ему казалось, что в людях нет никакой тайны: все хотят поесть, выспаться и жить без лишних проблем.

Теперь он часто вспоминал случайные Машины фразы, зато никак не мог восстановить, что сказал ей во время их последнего разговора. Он помнил кухонный стол. Холодный чай. Её правую ладонь на краю стола. А собственные слова — обрывками.

Он потёр переносицу и заставил себя посмотреть на табло маршрута. До дома оставалось три остановки после большого проспекта, если не считать ту, где обычно сходил Борисов сосед — человек с хозяйственной тележкой, которого сегодня не было. Илья почти всегда выходил последним. В этом маленьком ритуале было что-то успокаивающее.

Автобус мягко тронулся. Снаружи проплыли пустой киоск, вывеска аптеки, мокрый переход. На следующем светофоре женщина в пальто завершила разговор и вслух сказала, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Каждый раз одно и то же. И ведь взрослые люди.

— Так не разговаривайте, — посоветовал коренастый

мужчина впереди.

— Вас забыли спросить.

— А я и не спрашивал.

Пожилая женщина подняла глаза.

— Дорогие мои, неужели вам за день не хватило ругани?

Коренастый хмыкнул. Женщина в пальто отвернулась. А девушка с длинными ногтями вдруг тихо рассмеялась — не над ними, а как будто от усталости.

— Нормальное начало рейса, — сказала она. — Главное, чтоб никто не подрался до моей остановки.

На ней была короткая куртка цвета мокрого песка. Она улыбнулась пожилой женщине и встала, чтобы помочь переставить сумку под сиденье.

— Спасибо, деточка. Я сама. Только молния заедает.

— Меня Вика зовут. Если что, обращайтесь.

— Зоя Петровна.

— Красивое имя.

— Старое, — отрезала Зоя Петровна и сама улыбнулась.

Илья отметил, что седой мужчина с пакетом слегка придвинул его к себе, когда Вика проходила мимо. На секунду из пакета пахнуло копчёной колбасой.

— Там у вас, наверное, продукты на целую неделю, — заметила Зоя Петровна.

— На два дня, — сказал мужчина. — И лучше бы они на два дня остались.

— Вы повар? — вдруг спросила Вика.

Он посмотрел на неё подозрительно.

— Был.

— По рукам видно, — сказала она. — У нас в салоне клиент есть, он тоже повар. Всегда такие же ожоги на запястьях.

Мужчина уставился на собственные руки, словно только теперь о них вспомнил.

— Борис, — сказал он наконец. — Меня Борис зовут.

За окном начались кирпичные корпуса старого завода. Илья знал этот участок: обычно после него автобус уходил направо, мимо шиномонтажа, затем пересекал проспект и делал ещё три остановки до его дома.

На телефоне было шестьдесят восемь процентов заряда. Стрелка возле значка мобильного интернета крутилась без результата. Мать прислала второе сообщение: «Илья, ответь хотя бы, что всё хорошо». Он невольно задержал палец над полем ответа.

Он набрал «Еду домой» и уже хотел отправить, но стёр. Слова казались ненастоящими. Дома не было ничего, что можно было бы назвать хорошим.

Автобус снизил скорость.

— Сейчас направо, — произнёс парень с рюкзаком, глядя в свой экран.

Но автобус повернул налево.

Парень оторвал взгляд от телефона.

— Так. Интересно.

Илья посмотрел в окно. Вместо шиномонтажа — длин-

ный бетонный забор, за которым висели неподвижные прожекторы.

— Объезд, — сказал он.

— Там на карте никакого объезда. И дороги-то этой нет.

— Карты иногда отстают.

Парень немного помолчал.

— Роман, — представился он неожиданно, будто решил, что теперь им предстоит вместе разбираться с задачей.

— Илья.

— Вы местный?

— Десять лет тут живу.

— Тогда скажите: что у нас за забор?

Илья посмотрел ещё раз.

Вдоль бетона тянулась узкая полоска щебня. На столбах не было номеров, на воротах — вывесок. Там, где должен был начинаться складской комплекс, темнели незнакомые ангары.

— Не знаю, — признался он.

Роман поднял телефон повыше, поближе к стеклу.

— Может, GPS глючит. Здесь координаты прыгают.

— А интернет?

— Две палки, а ничего не грузится. Замечательно.

Из динамика над дверью коротко пискнуло, и по салону разнеслось невнятное объявление. Илья различил только последний слог, похожий на «-ская».

— Что за остановка была? — спросил Роман.

— Не поняла, — ответила Вика.

— Я эту систему знаю, — сказал Борис, ни к кому не поворачиваясь. — У них вечно голос зажёвывает. Три года ездил с работы, каждое утро одно и то же.

Он говорил о голосе так раздражённо и буднично, что Илья на мгновение почувствовал облегчение. Если даже Борис не видит ничего особенного, возможно, и правда обычный объезд.

Но Геннадий на переднем сиденье уже не смотрел на коробочку. Он вглядывался в лобовое стекло и раз за разом поворачивал голову к боковому, будто сравнивал два пейзажа.

— Тут раньше гаражи были, — сказал он.

— Так могли снести, — отозвалась Оксана.

— Все сразу? За неделю?

— Вы же на грузовике, наверное, по всему городу ездите. Может, путаете.

Геннадий коротко фыркнул.

— По этим дорогам я с девяностых езжу. У меня тут каждая яма знакомая.

Евгений, до этого молчавший у заднего окна, впервые вмешался:

— А можно попросить водителя остановиться у любой заправки? Без крика. Просто остановиться. У меня заряд почти сел, а мне нужно быть на связи.

— Думаете, вам одному нужно? — спросила Оксана.

— Я не говорил, что одному.

Он снова опустил глаза на телефон. Экран осветил изможденное лицо. Илья заметил, что мужчина держит мобильник двумя руками, как иногда держат чашку с очень горячим чаем.

Лена беззвучно вытащила из сумки шнур зарядки, посмотрела на разъём его телефона издалека и убрала обратно: не подошёл бы. Никто этого не заметил, кроме Ильи.

Город оставался позади слишком быстро. За десять минут они не проехали ни одной обычной остановки. Сначала Илья думал, что пропускают их из-за отсутствия пассажиров. Потом заметил, что вдоль дороги просто нет остановочных павильонов.

Коренастый мужчина спереди поднялся и ухватился за поручень.

— Эй, командир! — крикнул он в сторону кабины. — Мы куда попёрлись?

Ответа не было.

— Оглох, что ли?

Человек с деревянным крестом поднял голову.

— Может быть, дорогу перекрыли. Не надо сразу кричать.

— А я не кричу. Я громко разговариваю.

— Это мы уже заметили, — сказала женщина в пальто.

Коренастый развернулся к ней.

— Слушай, ты, начальница…

— Оксана, — перебила она. — Если уж собрались хамить, хотя бы обращайтесь по имени.

— Геннадий, — буркнул он. — Теперь познакомились?

Вика шумно выдохнула. Зоя Петровна закрыла сумку. Девушка через проход от Ильи внимательно посмотрела вперёд, но ничего не сказала.

Илья снова повернулся к окну.

За стеклом тянулась ровная двухполосная дорога. Встречных машин не было.

Вдалеке мигал одинокий красный огонёк.

Он попытался вспомнить, где в городе есть такая дорога, но не смог.

Из кабины не доносилось ни движения, ни кашля. Обыкновенно водитель хоть раз меняет положение тела, трогает зеркало, поправляет рукав. Илья понял, что уже несколько минут следит за тёмной вставкой перегородки и ни разу не видел за ней человека.

Автобус не сбавлял ход.

Илья почувствовал не страх ещё — раздражающее ощущение, будто пропустил что-то простое и важное.

Он открыл карту.

Синий кружок, обозначавший его местоположение, стоял посреди серого поля. Ни улиц, ни домов вокруг. Подпись внизу сообщала: «Определение местоположения…»

— У тебя тоже? — спросил Роман.

Илья показал экран.

Роман выругался себе под нос.

— Ну вот теперь это уже странно.

За стеклом погас последний фонарь.

Глава 2. Дорога без названия

Разговоры стихли один за другим. Под ровный гул двигателя стало слышно, как где-то сзади шуршит куртка: пассажиры пересаживались ближе к окнам, пытаясь узнать дорогу.

Коренастый мужчина, которого звали Геннадием, снова поднялся.

— Слушай, водила! Тормози!

Он ударил ладонью по перегородке. Пластик глухо отозвался.

Водитель не ответил. Автобус шёл ровно, будто человек за рулём не слышал и не чувствовал ударов.

— Может, у него наушники? — неуверенно предположила Вика.

— За рулём? — Оксана повернулась к ней. — Вы сами-то слышите, что говорите?

— Я просто спросила.

— Нечего на неё набрасываться, — сказала Зоя Петровна. — Давайте сначала выясним, где мы.

Роман поднялся с телефоном и пошёл по проходу. Автобус качнуло, он ухватился за поручень и едва не задел Борисов пакет.

— Осторожнее!

— Да я его не трогаю.

— А потом трогать нечего будет.

— Борис, — устало сказала Вика, — вы хоть сейчас можете не про колбасу?

Мужчина насупился, но пакет убрал к стенке.

Илья повернулся к девушке напротив. Она смотрела на экран своего телефона и не делала вид, что всё в порядке.

— У вас ловит? — спросил он.

— Сообщения не уходят.

— Можно посмотреть?

Она протянула аппарат. Обычный экран переписки, рядом с отправленным сообщением маленький значок часов. Имя адресата было скрыто верхним краем чехла. Илья не стал всматриваться.

— Сеть была, когда мы сели, — сказала девушка. — Я ответила подруге.

— По дороге могут быть глухие участки.

— Знаю.

Она забрала телефон, но не сразу убрала его в сумку.

— Вы ведь тоже не узнаете дорогу?

— Нет.

— Тогда почему говорите так спокойно?

Илья посмотрел вперёд. Геннадий пытался просунуть пальцы в щель между панелью кабины и поручнем.

— Потому что крика и без меня хватает.

Девушка еле заметно улыбнулась.

— Справедливо. Я Лена.

— Илья.

— Слышала.

Роман вернулся с передней площадки.

— Видеокамеры есть. Две под потолком. Валидатор работает. Табло тоже. Только я не понял, почему кабина такая закрытая.

— Такие сейчас делают, — ответил Илья. — Чтобы водителя не дергали.

— Ну и кому это помогло?

— Давайте без истерики, — неожиданно твёрдо сказал человек с крестом. — Сначала нужно попробовать связаться с диспетчером. На дверях обычно есть номер перевозчика.

Оксана сразу шагнула к наклейкам на стекле.

— Вот. Нашла. Телефон есть.

Она набрала номер и поднесла аппарат к уху. Через несколько секунд посмотрела на экран.

— Сеть недоступна.

— У меня тоже, — отозвалась Вика.

— Попробуйте сто двенадцать, — предложил Илья. — Экстренный вызов иногда проходит через другую доступную сеть.

Он произнёс это привычным рабочим тоном, и несколько человек сразу начали набирать номер. Илья сделал то же самое. На экране появилась попытка соединения, затем — сообщение об ошибке.

— Ничего, — сказал Роман.

— У меня тоже, — отозвалась Оксана.

Геннадий вернулся к своему сиденью только затем, чтобы достать из кармана другой телефон.

— Рабочий. Там другая симка.

Он набрал номер, долго слушал тишину, потом швырнул аппарат на сиденье.

— Ну всё. Глушат, значит.

— Кто глушит? — спросила Вика.

— Откуда я знаю? Кто-то глушит.

— Не обязательно, — сказал Илья. — Если мы выехали из зоны покрытия…

— А ты уверен, что выехали? — перебил Роман. — Мы даже не знаем, где едем.

Эти слова повисли в салоне.

За окнами уже не было никаких зданий. Чёрная обочина, узкие полосы мокрой травы, редкие ограждения, которые выхватывал из темноты свет фар. Дорога всё время слегка изгибалась. Дальше двадцати метров почти ничего не было видно.

— Я вот что скажу, — произнесла Оксана. — Если нас куда-то везут против нашей воли, надо это зафиксировать. Все снимаем на телефоны. И не удаляем.

— Снимать что? — спросил Борис. — Темноту?

— И её тоже.

Роман включил запись. Илья достал свой телефон, проверил заряд — шестьдесят один процент — и тоже начал сни-

мать. В кадре оказались поручни, бледные лица, отражения ламп в окнах.

— Запись первая, — сказал Роман в камеру. — Ноль сорок две. Автобус семнадцать-Н. Мы не знаем, где находимся. Мобильная связь пропала, водитель на вызовы не отвечает. — Он повернул объектив к окну. — Если это розыгрыш, он затянулся.

— И не забудь, что пассажиров десять, — добавила Оксана.

Роман быстро пересчитал людей.

— Десять.

Илья перевёл взгляд на экран. Запись шла. Никаких помех, всё обычно.

Геннадий опять направился к кабине. Он подцепил край пластиковой накладки ключом и потянул.

— Эй, полегче, — сказал Илья. — Это не поможет.

— А что поможет? Твой телефончик?

— Вы сейчас сломаете ключ и останетесь без него.

— А он мне тут на кой чёрт нужен?

Илья хотел ответить, но промолчал. В другом настроении он мог бы даже посмеяться. Сейчас не хотелось.

Геннадий дёрнул пластиковую накладку. Не поддалась. Он ударил кулаком: вместо глухого треска пластика раздался тяжёлый короткий стук. Все обернулись. Геннадий потёр костяшки и уже без бравады сказал: «Там что, сталь под ней?»

— Нормально запаяли, — пробормотал Роман.

— А что вы знаете про такие автобусы? — резко спросила Оксана.

— Я знаю, как выглядит заводская перегородка. И эта странная.

— То есть вы у нас специалист?

— Я студент. И не слепой.

— Давайте не будем искать врага друг в друге, — сказал мужчина с крестом.

Зоя Петровна кивнула.

— Верно говорит отец… Простите, не знаю вашего имени.

— Михаил. Отец Михаил.

— Значит, отец Михаил. Я Зоя Петровна, если кому интересно. И я считаю, что у нас пока нет ни одного повода считать, будто кто-то из присутствующих причастен ко всему этому.

— Пока, — подчеркнула Оксана.

Автобус слегка качнуло. По крыше пробежал короткий стук, будто туда попало несколько крупных капель. Потом снова стало тихо.

Лена посмотрела вверх.

— Дождь начался?

— Возможно, — сказал Илья.

Но когда он взглянул в окно, стекло оказалось сухим снаружи. По нему медленно ползла только влага, собравшаяся с внутренней стороны.

Стук повторился. Три раза с одинаковыми промежутками.

Геннадий сразу поднял голову.

— Ветки, — сказал он с уверенностью, которой у него не было минуту назад. — С дороги ветки цепляют.

— Мы ничего не задеваем, — заметила Лена.

— Я сказал, ветки.

Он сел и уставился вперёд, обхватив двумя руками коробочку с лентой.

Илья увидел её впервые совсем близко. Небольшая, белая, чуть помятая по углам. Из-под серебристой ленточки торчал край наклейки с изображением кота.

— Подарок? — спросила вдруг Зоя Петровна.

Геннадий посмотрел на неё зло, но, к удивлению Ильи, ответил:

— Дочери.

— День рождения?

— Завтра. Точнее, уже сегодня.

Он подвинул коробку к себе.

— Четырнадцать. Дурацкий возраст.

— Очень хороший, — сказала Зоя Петровна. — Если пережить.

Вика коротко рассмеялась, и напряжение на секунду отпустило.

Отец Михаил подошёл ближе к кабине, осмотрел верхнюю часть перегородки.

— Здесь есть переговорное устройство?

Илья нашёл небольшую решётку. Под ней была кнопка без подписи. Нажал.

Раздался один щелчок.

— Здравствуйте. Нас слышно? — сказал Илья. — У вас не та дорога. Нам нужно остановиться.

Ответа не последовало.

Он нажал ещё раз.

— Если вы не можете говорить, моргните фарами. Или притормозите.

Автобус продолжал ехать с той же скоростью.

— Дистанционное управление, — объявил Роман. — Всё. Я теперь почти уверен.

— «Почти» — хорошее слово, — заметил Илья.

— Разумеется. Если уж нас снимают, пусть знают, что мы не идиоты.

— Кто нас снимает?

— Кто угодно. Пранк, нелегальный эксперимент, какой-нибудь закрытый проект. Видеокамеры стоят, связь глушат, водителя изолировали…

— Для такого проекта надо слишком много людей, — сказал Илья.

— А ты знаешь, сколько людей в таких проектах?

— Нет. Но и ты не знаешь.

Роман замолчал. Ему явно не понравилось, что его поймали на собственном аргументе.

Оксана тем временем пыталась открыть форточку. Та не

поддавалась, хотя фиксатор двигался. Борис предложил аварийный молоток, но на привычном месте его не оказалось. Вика нашла красную крышку с надписью «АВАРИЙНОЕ ОТКРЫТИЕ», потянула — крышка не сдвинулась.

Илья проверил другой край двери. Пневматический механизм был закрыт декоративной панелью; ни троса, ни доступной рукоятки он не увидел.

— Всё это можно переделать, — сказал Роман, снимая крупным планом крепления. — Если автобус специально подготовили.

— Но зачем? — спросила Лена.

Роман поднял взгляд.

Илья понял, что ответа у него нет.

Проверили и кнопки требования остановки. Роман нажал ближайшую: над кабиной загорелся красный значок. Илья нажал кнопку у двери. Значок послушно мигнул ещё раз. Автобус не сбавил скорость. Электроника принимала команду; никто — или ничто — не собиралось её выполнять.

— Значит, кнопки работают, — сказал Роман. — Сигнал проходит.

— До табло, — поправил Илья. — Не факт, что до кабины.

— Какая разница, если водила не отвечает?

— Большая. Если там неисправность, нам нужно понять какая.

Отец Михаил подал Евгению свободное место ближе к проходу. Тот отказался, не поднимая глаз. Рядом со священ-

ником положили бутылку воды, которую Зоя Петровна достала из сумки. Она предлагала воду всем по очереди; никто не взял.

Вика включила камеру на фронтальном режиме, увидела собственное лицо и опустила телефон.

— Кошмар. Я сейчас выгляжу так, будто меня неделю не выпускали из дома.

— Снимайте наружу, — сказал Роман.

— Да снимаю я, — огрызнулась она. — Дайте хотя бы секунду.

Илья заметил, что эта обычная, почти смешная перебранка заставила остальных ненадолго отвлечься. Потом впереди возник дорожный знак: белый прямоугольник без текста. На его поверхности были видны отверстия от старых креплений, но никакого названия населенного пункта.

— Что там написано? — спросила Лена.

— Ничего, — ответил Илья.

— Как это — ничего?

Автобус проехал мимо, не сбавляя скорости. Илья повернул голову вслед знаку и понял, что пытается придумать ответ, который успокоил бы не её, а его самого.

Видимо, по ночам в городе действительно бывали участки без работающих фонарей и с пустыми знаками. И всё же он не помнил, чтобы когда-нибудь видел такой участок в нескольких километрах от собственного дома.

На электронном табло над проходом ещё несколько ми-

нут горело «ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС». Потом буквы мигнули и сменились пустой строкой. Вика первой это заметила.

— Смотрите.

Все подняли головы.

Через несколько секунд табло снова загорелось. Теперь там было одно слово: «ОСТАНОВКА».

— Ну наконец-то, — выдохнула Оксана.

За окном вспыхнул фонарь, затем второй. Из темноты появился остановочный павильон: прозрачная стенка, мокрая скамейка, чистая белая табличка без названия улицы, расписания и номера маршрута. Всё выглядело обычным, кроме этой пустой таблички.

Автобус начал тормозить.

Геннадий вскочил первым.

— Сейчас вытащим этого красавца. Только не лезьте под руку.

— Никто никуда не выходит, пока не разберёмся, — сказала Оксана.

— Да я на две секунды.

— Геннадий, подождите, — вмешался Илья. — Сначала посмотрим, что с кабиной.

Автобус остановился настолько мягко, что вода в бутылке Виктории почти не дрогнула.

Двигатель продолжал гудеть.

Дверь пассажирского салона раскрылась.

Снаружи было пусто.

Илья сделал шаг к перегородке, упёрся ладонью в затемнённое окошко и только теперь увидел, что с другой стороны стекла больше ничего не отражается.

Он наклонился, пытаясь рассмотреть место водителя под другим углом.

Кресло было пустым.

Глава 3. Кто вы такие?

Илья несколько секунд смотрел в кабину, не понимая, что именно видит.

Кресло водителя. Сбоку свисает ремень безопасности. Руль. Экран с зелёной полосой. На резиновом коврике — две подсохшие полосы грязи. Всё на месте. Кроме человека, который должен вести автобус.

Человека нет.

— Роман, посвети, — сказал Илья.

Парень протиснулся рядом и включил фонарик телефона. Узкий луч скользнул по стеклу, отразился, но всё-таки высветил пустое кресло.

— Да ну, — произнёс Роман.

— Что там? — спросила Оксана из глубины салона.

— Водителя нет.

— Как нет?

— Нет, и всё.

Геннадий оттолкнул Романа плечом и приложил лицо к перегородке.

— Это как же… — начал он, потом обернулся ко всем. — Вы видите? Тут нет никого!

Оксана приблизилась.

— Может, он под сиденьем? Потерял сознание?

— Попробуйте найти под сиденьем взрослого мужика, —

сказал Роман.

— Не умничайте!

Геннадий уже тянулся к узкой сервисной двери сбоку от кабины. Взявшись за ручку, дёрнул один раз, другой. Дверь не сдвинулась. Он ударил по ней подошвой.

— Эй! — крикнул Илья. — Если там кто-то заперт, вы ему сейчас по голове попадёте.

— Там никого нет!

Зоя Петровна стояла у поручня и смотрела не в кабину, а на открытую пассажирскую дверь.

— Дети, — сказала она совсем тихо, — а почему мы стоим на дороге?

Впервые Илья заметил, что остановка находится не в городе. За прозрачным павильоном чернело поле. Никаких домов. Ни одной машины на горизонте. Лишь узкая полоса мокрого асфальта, уходящая в темноту.

И всё же это была остановка. Под козырьком висела пластиковая табличка, рядом стояла урна. На бетонной площадке кто-то оставил бумажный стаканчик.

— Я выйду и посмотрю снаружи, — сказал Геннадий.

— Не надо, — отозвалась Лена.

Он обернулся.

— Ты чего?

— Мы не знаем, где находимся.

— Ну вот и узнаем. Снаружи стекло обычное, всё видно. Я посмотрю, нет ли там водителя, может, кто под машиной.

— Под движущимся автобусом? — спросил Роман.

— Да заткнись ты со своими замечаниями!

Геннадий задел его плечом и направился к выходу.

Илья попытался вмешаться:

— Подождите. Давайте хотя бы верёвку найдём или…

— Какую верёвку? Что ты несёшь? Я не на Марс выхожу. Три шага сделал — и обратно.

Геннадий спустился на асфальт.

За его спиной висело тёмное поле. Лампы остановки горели белым, почти больничным светом. Мужчина огляделся, выругался и обошёл автобус спереди.

Пассажиры следили за ним через лобовое и боковые стёкла.

— Водителя видишь? — крикнула Оксана.

Геннадий наклонился, прижимая ладони козырьком к лобовому стеклу.

— Пусто там! — сказал он. — Тут вообще…

Он не договорил.

Выпрямился. Посмотрел направо, туда, где уходила дорога. Затем налево.

— Что с ним? — спросила Вика.

— Может, услышал что-то, — ответил Борис.

Между остановочным павильоном и дорогой лежала широкая лужа. В ней отражались лампы и нижний край автобусного кузова. Геннадий шагнул в воду, даже не заметив, что промочил ботинок. А ведь ещё минуту назад ругался из-

за капель, стекавших с чужого зонта на его куртку.

— Геннадий! — позвала Вика. — Ну не стойте вы там, пожалуйста!

Он чуть повернул голову на звук, но не ответил. Илья заметил его плечи: те медленно поднялись, будто мужчина собирался глубоко вдохнуть, и остались в таком положении. Потом опустились.

Роман включил видеосъемку покрупнее и прижал телефон к стеклу. На экране фигура Геннадия получалась слишком яркой, будто лампа над остановкой была мощнее, чем выглядела вживую.

— Вы снимайте, снимайте, — сказала Оксана. — А сами подумайте, чем мы ему поможем.

— Я снимаю, чтобы доказательства были!

Илья хотел сказать, что камера сейчас ничем не поможет, но осёкся. Он тоже держал телефон перед собой. Пальцы побелели на корпусе.

За стеклом Геннадий открыл рот, собираясь ответить, и закрыл его. Испуг на лице сменился недоумением. Он снова попытался заговорить — беззвучно, всё настойчивее, как человек, которому вот-вот подскажут простое слово. Илья вдруг понял: Геннадий не подбирает выражения. Он ищет само слово.

Два месяца назад, в больнице, Илья точно так же терял слова. Врач назвал кабинет; через минуту Илья не помнил ни номер, ни фамилию. Помнил только мокрую подошву,

скользнувшую по плитке, и мысль, что за одной из дверей лежит Маша. Но даже тогда он знал, кто он. Геннадий, похоже, переставал знать.

Он крепче ухватился за поручень и позвал снова:

— Геннадий!

Геннадий медленно обернулся к автобусу. Лицо его изменилось так, что Илья не сразу понял почему. На нём пропало раздражение. Вместо него появилось растерянное выражение человека, которого только что разбудили в незнакомой комнате.

— Слышь! — позвал Роман. — Ты там как?

Геннадий не ответил.

— Геннадий! — громче крикнула Оксана.

Мужчина поднял ладонь, словно хотел кого-то остановить.

— Я… — произнёс он. — Я зачем сюда вышел?

— Кабину проверить, — ответил Илья. — Посмотрите, можно ли открыть её снаружи.

Геннадий нахмурился.

— Какую кабину?

В салоне стало тихо.

— Вы же сами хотели поговорить с водителем, — сказала Вика.

Он медленно посмотрел на неё, потом на остальных.

— С каким водителем?

Роман нервно усмехнулся.

— Мужик, хватит. Вообще не смешно.

Геннадий опустил глаза на собственные руки. Между пальцами у него оставался ключ с красным пластиковым брелоком. Он повертел его, будто никогда раньше не видел.

— Это мое?

Илья ощутил холод под лопатками.

— Геннадий, вернитесь в автобус.

— Кто?

— Вы. Вас зовут Геннадий.

Мужчина несколько секунд молчал. Губы беззвучно шевельнулись.

— Геннадий, — повторил он осторожно.

— Да.

— А фамилия?

Илья не знал. Посмотрел на остальных, но никто не ответил.

— Подождите, — сказала Зоя Петровна. — Вы говорили, что едете к дочке. У неё сегодня день рождения. Четырнадцать лет.

Мужчина уставился на неё с ужасом.

— У меня есть дочь?

Вика издала короткий звук, похожий на всхлип. Она зажала рот ладонью.

— Его чем-то накачали, — быстро произнёс Роман. — Или это инсценировка. Сейчас надо…

— Геннадий! — перебил Илья. — Вы меня слышите?

Идите ко мне. Просто идите на голос.

Мужчина сделал шаг.

Остановился.

Вдруг бросил взгляд на стекло автобуса и отшатнулся.

— Там кто-то, — прошептал он.

Илья посмотрел на окно. В нём отражались все пассажиры, светлые поручни и сиденья.

— Это мы. Ваше отражение тоже там.

Геннадий приблизился к стеклу, вытянул руку и прикоснулся пальцами к собственной отраженной щеке. Отдёрнул ладонь.

— Это я?

— Да, — ответил Илья.

— Почему он делает как я?

Илья не нашёл, что сказать.

Геннадий несколько раз моргнул, словно хотел вытряхнуть из головы что-то липкое.

— А… что такое «я»?

Оксана рванулась к выходу.

— Всё, я его забираю.

Отец Михаил перехватил её за локоть.

— Подождите. Пусть Илья попробует его позвать. Не надо всем выходить.

— Он там один!

— Я вижу.

Голос священника был очень спокойным. Оксана вырвала

руку, но осталась на месте.

— Геннадий, — позвал Илья. — Слушайте меня. Здесь безопаснее. Просто поднимайтесь по ступенькам. Вперёд.

Мужчина посмотрел на открытую дверь. Шевельнул ногой. Снова остановился.

— Зачем?

— Чтобы мы могли вам помочь.

— Вы… люди?

Вика заплакала. Не громко — просто слёзы потекли по щекам, и она не успела их вытереть.

Зоя Петровна достала платок и протянула ей.

— Не смотри, деточка.

Но Вика не отвела глаз.

— Возможно, человек получил сильный стресс, — проговорил отец Михаил, обращаясь ко всем. — Сейчас главное — не кричать на него с разных сторон.

— Какой стресс? — Роман резко обернулся. — У него за тридцать секунд вся автобиография пропала!

— Поэтому и нужно говорить спокойно.

Зоя Петровна перестала искать что-то в сумке.

— Геночка, — позвала она, — ваша девочка вас ждёт. Вы ведь ей подарок везёте. Он остался здесь, у нас. Возвращайтесь, слышите?

Мужчина моргнул.

На секунду Илья увидел в его лице что-то прежнее. Почти злость. Почти узнавание.

— Девочка, — повторил Геннадий.

— Да! — обрадовалась Вика. — Дочка! Четырнадцать лет!

Геннадий попытался поднять руку, как поднимают её, когда хотят остановить уезжающую машину. Но застыл на середине жеста. Илья не выдержал и ударил ладонью по стеклу. На улице мужчина даже не вздрогнул.

— Девочка… это…

Он повернул ладони вверх, будто хотел что-то на них обнаружить.

— Маленький человек? — спросил он с такой искренней растерянностью, что Вика перестала улыбаться.

— Господи, — прошептала Зоя Петровна. — Он не помнит даже слов.

Илья подумал, что если это отравление, то медлить нельзя. Но в памяти всплыло другое: химический запах. А здесь не пахло ничем, кроме влажного асфальта, разогретой пластмассы и знакомой резины. Он не мог решить, стоит ли выбежать наружу за Геннадием. На остановке не было ни одного живого человека, который мог бы помочь.

В этом сомнении он простоял слишком долго.

Илья спустился на нижнюю ступеньку. До Геннадия было меньше двух метров. Можно было протянуть руку, схватить за рукав и втянуть внутрь. Он представил это движение так ясно, будто уже совершил.

— Илья, не надо, — сказала Лена за его спиной.

Он обернулся.

Она стояла всего в шаге. Не испуганная до истерики, но очень бледная.

— Он же там останется, — сказал Илья.

— Я знаю.

Он снова повернулся наружу.

Геннадий остался под фонарём. Губы у него шевелились, но Илья не мог разобрать ни слова. Лицо мужчины было теперь совершенно спокойным; от этого становилось хуже.

— Идите сюда! — почти закричал он.

Геннадий поднял голову.

— Сюда, — повторил Илья и похлопал ладонью по поручню. — Вот сюда.

Мужчина сделал ещё один неуверенный шаг.

В этот момент над дверью раздался негромкий сигнал. Тот самый, привычный, предупреждающий о закрытии.

Илья замер. Сигнал прозвучал второй раз.

— Стойте! — закричала Оксана неизвестно кому. — Подождите!

Створки начали сходиться.

Илья бросился вперёд, но Лена схватила его за рукав. Он успел отдёрнуть руку, когда резиновая кромка двери почти коснулась пальцев.

— Ты что делаешь?! — вырвалось у него.

— Не успеешь.

Створки сомкнулись.

Илья дёрнул аварийную ручку. Потом ещё раз. Рукоятка поддалась, но дверь не открылась. Он ударил ладонью по стеклу.

Снаружи Геннадий подошёл ближе. Теперь его лицо оказалось почти напротив лица Ильи.

Мужчина смотрел внутрь с детским, беспомощным удивлением.

На мгновение Илье показалось, что тот собирается попросить о помощи. Но Геннадий лишь поднял руку и разжал пальцы. Ключ выпал на асфальт.

— Вы кто такие? — спросил он почти беззвучно.

Автобус тронулся.

Илья побежал вдоль стекла по проходу, стараясь не потерять Геннадия из виду. Мужчина оставался у остановки. Когда машина набрала скорость, он всё ещё смотрел на собственную ладонь, словно увидел её впервые.

Фонарь проплыл назад. Павильон растворился во тьме. Илья прижал лоб к холодному стеклу.

— Остановите! — крикнула Оксана. — Остановите машину!

Никто не ответил.

Роман подскочил к перегородке и начал колотить в неё обеими руками.

— Эй! Ты нас слышишь? Хватит! Это уже не смешно!

Борис, не вставая, шептал что-то себе под нос. Вика сидела с платком у лица. Зоя Петровна смотрела на пустое крес-

ло Геннадия.

На нём лежала белая коробочка с серебристой лентой.

Отец Михаил осторожно поднял её и положил на соседнее сиденье, чтобы не упала на повороте.

— Возможно, у него приступ, — сказал он. — Острый неврологический. Нам нужно дождаться следующей остановки и попробовать вызвать помощь.

— Вы видели его? — спросила Оксана. — Какой приступ? Он за минуту забыл, кто он!

— Я видел. И не сказал, что знаю причину.

Илья вернулся к своему месту. Лена стояла в проходе и не пыталась к нему прикоснуться.

— Я мог его вытащить, — сказал он.

— Не знаю.

— Надо было сразу выйти за ним.

Лена не ответила.

Он сел, достал телефон и увидел чёрный значок отсутствующей сети. Запись камеры продолжалась: двадцать три минуты четырнадцать секунд. Он остановил её и сохранил файл. Руки дрожали так сильно, что с первого раза не удалось нажать нужную кнопку.

В открытой галерее сверху появилась старая фотография. Маша сидела на кухне в его толстовке и показывала ему язык. Снимок был сделан прошлой весной. Илья не помнил, почему тогда смеялся, но помнил, как она улыбнулась сразу после кадра.

Он поспешно погасил экран.

Только теперь Илья заметил, что всё ещё повторяет про себя собственное имя.

Илья Кравцов.

Двадцать девять лет.

Родился в феврале.

Живёт на улице Мельничной, дом восемь.

Машу звали Мария Соколова.

Он повторил её имя дважды. И только после этого понял, чего именно испугался: не того, что забудет дорогу домой.

Он боялся однажды забыть её.

Вверху салона зашипел динамик. Все подняли головы.

Раздался обычный, совершенно равнодушный женский голос:

— Осторожно. Двери закрываются.

Роман медленно обернулся к табло.

— Они уже закрыты, — сказал он.

За окнами не было ни одного огня.

Автобус продолжал ехать.

Глава 4. Девять

Автобус ехал так ровно, что вода в открытой бутылке на соседнем сиденье почти не колыхалась.

— Она сказала, что двери закрываются, — произнёс Роман. — Уже после того, как мы отъехали. Вы слышали?

— Все слышали, — ответила Оксана.

— Вот и отлично. Значит, это не у меня в голове.

Он хотел усмехнуться, но получилось плохо.

С пустого места Геннадия никто не убрал подарок с серебристой лентой. Рядом белел чек: «Игрушки. 23:48». Ещё недавно мужчина выбирал что-то для дочери, расплачивался на кассе, наверняка торопился домой. Илье захотелось сложить коробочку в сумку, чтобы не видеть её. Он не тронул.

Теперь он стоял где-то посреди поля и не знал, что такое дом.

— Надо возвращаться, — сказала Вика.

Никто не стал спрашивать, куда.

— Водитель же слышит, — продолжила она. — Кто-то там должен нас слышать. Мы все вместе попросим, пусть остановит.

— Мы уже просили, — сказал Борис.

— Значит, ещё раз попросим!

— Вика, — тихо сказала Зоя Петровна. — Сядь, пожалуйста. Ты сейчас упадёшь.

Вика осталась стоять.

Илья приблизился к перегородке, поднял ладонь и нажал кнопку переговорного устройства. За решёткой один раз щёлкнуло.

— Это Илья Кравцов. Я пассажир автобуса семнадцать-Н. Один человек остался на остановке, ему требуется медицинская помощь. Если вы нас слышите, немедленно возвращайтесь.

Он подождал.

Только двигатель гудел под полом.

— Если водитель потерял сознание, кто тогда держит скорость? — спросил Евгений.

— Автопилот, — ответил Роман. — Или управление извне.

— Ты сам-то веришь в то, что говоришь?

— Я верю, что машины умеют ездить без водителя. Это не фантастика.

— А людей заставлять забывать собственное имя тоже умеют?

Роман сжал челюсти.

— Я этого не говорил.

Оксана подошла к двери. Потрогала ручку аварийного открывания, которую безуспешно дёргал Илья на остановке. Потом упёрлась ногой в нижний край створки и потянула сильнее.

— Помоги, — бросила она Борису.

Тот тяжело поднялся, оставив пакет под сиденьем. Они потянули вдвоём. Створки даже не вздрогнули.

— Не так, — сказал Илья. — Если там электромагнитная блокировка, вы только крепление сломаете.

— А если сломаем? — Оксана обернулась к нему. — Может, это и есть выход?

Вопрос был справедливый. Илья не ответил.

Роман указал на красную крышку у двери.

— Здесь должен быть ручной сброс. На таких автобусах аварийное открывание не должно зависеть от питания.

— Крышка не открывается, — напомнила Вика.

— Значит, её переделали. Дайте что-нибудь плоское.

Зоя Петровна протянула пилочку из своей сумки.

— Только не сломайте. Хорошая была.

Роман поддел крышку сбоку. Пилочка согнулась, соскользнула, оставив на его пальце тонкую красную полоску.

— Чёрт.

— Вот теперь у нас ещё один пострадавший, — заметила Зоя Петровна. — Покажи руку.

— Там царапина.

— Покажи.

Роман нехотя протянул ей палец. Пока бабушка искала салфетку, он смотрел на крышку с такой ненавистью, словно та нарочно его унизила.

Илья решил проверить окно. В нескольких местах над стеклом были наклейки об аварийном выходе. Обычные пик-

тограммы: красный молоток, разбитое стекло, человечек со стрелкой. Самих молотков не оказалось.

— У кого-нибудь есть что-то тяжёлое? — спросил он.

Борис, уже усевшийся обратно, показал на огнетушитель у передней стойки.

— Он закреплён, — сказал Роман.

— Значит, открепите. Мы не в музее.

Оксана освободила металлическую скобу. Огнетушитель оказался холодным и тяжёлым. Илья взял его, примерился к углу окна.

— Все отойдите.

Лена отошла к противоположной стенке. Евгений поднял воротник пальто, прикрывая лицо.

Илья ударил.

Звук получился таким низким, что он отдался в груди. Стекло не треснуло. Даже белой точки не осталось.

Он ударил ещё раз — в тот же угол, сильнее. Удар отозвался в запястьях. Огнетушитель выскользнул бы у него из рук, если бы Борис не успел подхватить снизу.

— Хватит, — сказал Борис. — Себя покалечишь.

Илья провёл пальцем по стеклу. Гладкое. Ни выбоины.

— Бронированное? — спросила Вика.

— Может быть, — ответил Илья.

— В городском автобусе?

— Мы уже поняли, что он не совсем городской, — сказал Роман.

Оксана посмотрела на него.

— Очень полезное наблюдение.

Она забрала у Бориса огнетушитель и поставила обратно. Подняла глаза на две чёрные полусферы камер под потолком.

— Слушайте меня, — сказала она громко, обращаясь не к пассажирам, а к этим куполам. — Не знаю, кто вы. Если это розыгрыш, он закончился. Мы снимаем всё на свои телефоны. За то, что случилось с мужчиной, будете отвечать.

Несколько секунд все смотрели на камеры.

Никакого ответа.

Зоя Петровна переложила белую коробку на свободное место рядом со своей сумкой.

— Подарок ему сохраним, — сказала она.

— Ему уже ничего не нужно, — буркнул Борис.

— Это вы откуда знаете?

Он не нашёлся что ответить и отвернулся к окну.

Вика осторожно присела рядом с коробкой. Поддела ногтем отогнувшийся угол бумажной наклейки — там был нарисован кот в праздничном колпаке.

— У меня племянница такого обожает, — сказала она. — Он, наверное, долго выбирал.

— Дочка у него, — напомнила Зоя Петровна.

— Я слышала.

Вика провела пальцем по серебристой ленте, будто проверяла, крепко ли завязан бант, и быстро убрала руку.

— Может, он сейчас где-нибудь сидит, — сказала она. — Вдруг всё вспомнит? Если это препарат, он же должен перестать действовать.

Отец Михаил повернулся к ней.

— Мы не знаем, что с ним. Поэтому не будем заранее решать худшее.

— А вы бы вышли за ним? — спросила Оксана.

Священник помолчал.

— Я не знаю, — ответил он. — Хотелось бы думать, что сумел бы помочь. Но говорить о своей храбрости после случившегося слишком легко.

Илья поймал себя на благодарности к священнику. Тот не предложил ни лёгкого прощения, ни готового ответа, и это неожиданно успокаивало. После Геннадия уверенные голоса казались опаснее растерянных.

— В следующую остановку не полезем, — сказала Оксана. — Хоть снаружи мать родная стой. Сначала разберёмся.

Вика неожиданно вздрогнула.

— Не надо так говорить.

Оксана посмотрела на неё с удивлением.

— Да что я сказала-то?

— Ничего, — быстро ответила Вика. — Просто не надо.

Илья не понимал, что её задело. Но по тому, как Вика вцепилась в ремешок сумки, понял: она представила за стеклом кого-то своего. И эта мысль оказалась страшнее темноты за окном.

Илья вернулся на своё место. Лена сидела через проход и держала на коленях сложенные руки. Он помнил, как она схватила его за рукав у открытой двери. На ткани осталась маленькая складка, которую он почему-то не разгладил.

— Вы знали, что она закроется? — спросил он.

Лена подняла голову.

— Нет.

— Тогда зачем меня удержали?

— Потому что увидела, как створки двигаются.

— Я мог успеть.

— Возможно.

Он ждал, что она начнёт оправдываться. Лена только опустила взгляд на его руку.

— У вас запястье опухает.

Илья посмотрел. После ударов огнетушителем кожа возле большого пальца покраснела.

— Ерунда.

— Дайте хотя бы холодное приложить.

— Где здесь холодное?

— Бутылка воды есть у Зои Петровны. Она прохладная.

Он хотел отказаться. Потом почувствовал боль и понял, что сейчас спорит просто из упрямства.

Лена сходила за бутылкой. Вернулась и протянула ему, не касаясь руки.

— Спасибо, — сказал он.

— Вы не обязаны были за ним выходить.

— А кто обязан?

— Не знаю.

Её честный ответ почему-то оказался тяжелее любого утешения.

Автобус продолжал ехать. Илья прислонил бутылку к запястью и посмотрел в окно. Примерно в километре справа мелькнула одиночная заправка: четыре колонки под плоским навесом, красная полоса над кассой, погашенная вывеска. Возле мусорного контейнера стоял жёлтый рекламный щит с оторванным углом.

— Заправка, — сказал он. — Может, там кто-то есть.

Пассажиры повернулись к окнам. Оксана снова бросилась к кабине и нажала кнопку связи. Поздно: заправка уже осталась позади.

— Запомните её, — сказал Роман. — Если выберемся, это ориентир.

Илья запомнил. Красная полоса. Жёлтый щит. Оторванный угол.

Он не знал, зачем цепляется за эту мелочь. Возможно, потому, что впервые за последний час увидел место, похожее на настоящее.

Когда свет заправки окончательно пропал, из динамика над дверью раздался короткий треск.

Все замолчали.

— Сейчас скажут что-нибудь, — прошептала Вика.

Треск повторился. В глубине слышался тонкий свист,

словно кто-то пытался настроить старый радиоприёмник.

И вдруг звук оборвался.

В салоне стало так тихо, что Илья услышал, как у Бориса зашелестел пакет.

— Это автоматика, — сказал Роман. — У них запись зациклена. Больше ничего.

Илья хотел с ним согласиться.

Но в этот момент с противоположного конца автобуса донёсся глухой стук.

Там, за перегородкой, где никто не сидел.

Один раз.

Потом ещё два.

Как будто кто-то постучал костяшками пальцев по внутренней стороне водительской двери.

Глава 5. Список

— Кто там? — крикнула Оксана.

Илья поднялся почти одновременно с Романом. Тот уже шёл к передней площадке, держа телефон обеими руками: камеру нужно было удержать ровно, даже если самому тряслo.

Три стука больше не повторились.

— Там же пусто, — сказала Вика.

— Вот и посмотрим, — отозвался Роман.

Он приложил телефон вплотную к затемнённой вставке. Экран превратился в зеркало: бледное лицо, круглое пятно света, дрожащие пальцы.

— Убери фонарик, — посоветовал Илья. — Отражает.

Роман выключил свет и наклонился к стеклу, закрывая ладонями боковые щели. В темноте проступили руль, приборная панель, пустое кресло.

— Никого.

— Может, это под панелью что-то отвалилось, — сказал Евгений. — Машина старая?

— Она почти новая, — отозвался Илья.

— И новая гремит.

Евгений сказал это так буднично, что на мгновение у Ильи ослабло напряжение в плечах. В самом деле: механический стук. Вибрация обшивки. Разбитое крепление. Он сам за ра-

бочий день сталкивался с оборудованием, которое начинало щёлкать ровно тогда, когда этого никто не ждал.

Роман присел у перегородки.

— Здесь нет щели. Смотрите, всё подогнано впритык. И ручка заклеена прозрачной плёнкой.

— Производители иногда так делают, — ответил Илья, хотя не был уверен.

— Плёнкой прямо поверх замка?

Оксана отвела их обоих в сторону.

— Хватит изучать дверь. Мы и так знаем, что не откроется. Нам надо понять, кто из нас что видел и кто кому может помочь.

— По-моему, у нас больше нет специалиста, который может помочь, — сказал Борис.

— Тем более нужна голова, а не крик.

Зоя Петровна нашла в сумке маленький блокнот. На обложке был нарисован василёк. Она вытащила ручку, попробовала — не пишет — и достала другую.

— Давайте записывать, — предложила она. — Время, место, что происходило. На бумаге. Если телефоны сядут, у нас хотя бы это останется.

— Хорошо, — сказал Илья.

Он ожидал, что Оксана снова начнёт командовать. Но та неожиданно села рядом с бабушкой и предложила записывать со слов каждого.

— Сначала имена, — сказала Зоя Петровна.

— Мало нам проблем, ещё перепись, — ворчливо заметил Борис.

— Борис, это одна строчка.

Он назвал фамилию и уселся обратно. За ним остальные.

Зоя Петровна писала медленно, выводя каждую букву отчётливо, как будто вела школьный журнал. В конце получился список из десяти имён. Напротив первого — «Геннадий Серов, вышел». Напротив остальных — короткие пометки: «в автобусе».

— А если он жив? — спросила Вика, увидев запись.

— Так я и написала, что вышел, — ответила бабушка. — Не надо придумывать того, чего мы не знаем.

Вика отвернулась к окну и провела по выключенному экрану телефона. Потом ещё раз. Рука действовала по привычке; связь от этого не появлялась.

— Я понимаю, что это не главное, — сказала она наконец, — но моя мама сейчас, наверное, с ума сходит. Я обещала, что напишу, когда доеду.

— Все обещали, — ответила Оксана. Потом, заметив её лицо, добавила: — Извини. Я не хотела.

У Евгения осталось девять процентов заряда. Он показывал этот показатель каждому, словно кто-нибудь мог вернуть потерянное электричество простым сочувствием.

— Есть повербанк? — спросил Илья.

— В машине оставил.

— У меня кабель, — предложила Лена. — Только разъём,

кажется, другой.

— У меня переходник, — сказал Роман.

Они перебрали провода. Переходник действительно подошёл, но ни одной свободной розетки поблизости не оказалось. Под сиденьем у передней площадки был USB-разъём; телефон Евгения его увидел и на секунду показал значок зарядки. Затем значок погас.

— Контакта нет, — сказал Илья, поджав губы. — Надо держать в определённом положении.

Он подложил под кабель сложенную бумажку из собственного кармана. Значок снова появился.

Евгений впервые за вечер посмотрел на него с благодарностью.

— Спасибо. Мне очень нужно, чтобы он работал.

— Мы поняли, — сказала Оксана.

— Не совсем. — Евгений помолчал. — Простите. Просто нужно.

Больше он ничего не объяснил.

Роман тем временем предложил перекинуть видеозаписи друг другу по Bluetooth, чтобы они не остались на одном телефоне. На передачу ушло несколько попыток; Оксана постоянно нажимала не туда, Борис сначала отказывался принимать файл, боясь вирусов. В конце концов запись с первой остановки оказалась у нескольких человек.

— Вот теперь доказательство не уничтожишь одним разбитым телефоном, — сказал Роман.

— Это если мы куда-то доедем, — заметил Борис.

Никто не ответил.

Илья включил запись Геннадия. Посмотрел тридцать секунд. Ещё десять.

На видео тот поворачивался, смотрел в стекло и спрашивал: «Какого водителя?» Голос был обычный. Никаких цифровых помех, монтажных склеек, видимых проводов. Илья прибавил громкость, прислушиваясь к звукам за спиной мужчины. Шуршание шин под автобусом, редкие выкрики пассажиров, ровный гул.

— Видишь? — Роман ткнул пальцем в экран. — Когда он вышел, в первые две секунды с ним ничего не случилось. А потом будто переключили.

— Для этого достаточно воздействия, которое начинается не сразу, — сказал Илья.

— Например?

— Не знаю. Химического. Аэрозоль у остановки, что-нибудь через кожу.

— И у него пропали слова? За минуту? Ты сам такое видел?

— Нет.

— Вот и я нет.

Они замолчали. Илья снова прокрутил видео. На заднем плане виднелся бумажный стаканчик у урны. Свет над павильоном дрожал от ветра. Всё выглядело настолько обыденно, что происходящее с Геннадием становилось ещё страшнее.

— Я вот что думаю, — сказала Оксана. — Может, этот человек не настоящий пассажир?

Вика подняла голову.

— В каком смысле?

— Актёр. Вы же видели, как точно всё было рассчитано. Стал забывать, как только отошёл от машины.

— А зачем тогда нас держат? — спросила Зоя Петровна.

— Проверяют реакцию. Не знаю. По телевизору сейчас чего только не показывают.

— Вы думаете, кто-то устроил это ради шоу? — Борис гневно погладил пакет. — Нам тут не по двадцать лет. У меня давление.

— Тогда покажите таблетки, — сказала Вика. — Может, вам помощь нужна?

Борис удивлённо моргнул.

— Не надо мне никакой помощи.

— Вы сами сказали.

Он хотел что-то буркнуть, но открыл пакет, порылся в кармане на молнии и вытащил блистер. У одной таблетки была продавленная ячейка. Зоя Петровна дала ему воды. Борис выпил, отвернувшись к окну, и коротко кивнул в знак благодарности.

Отец Михаил сидел впереди, сложив руки на коленях. Он не перебивал ни одного человека и, казалось, слушал с одинаковым вниманием и обвинения Оксаны, и Романовы возражения. Когда спор начал повторяться, священник спро-

сил:

— Вы сейчас ищете того, кому можно предъявить обвинение, или способ добраться домой?

Оксана осеклась.

— И то и другое.

— Тогда давайте сначала сделаем второе. Виновных можно будет искать потом.

Илье показалось, что это разумно. Они уже почти час тратили силы на споры, которые никуда не вели.

— Предлагаю договориться, — сказал он. — На следующей остановке никто не выходит. Мы проверяем, можем ли удержать двери открытыми, но не рискуем людьми.

— Согласна, — быстро сказала Вика.

Оксана подняла руку, как на собрании.

— Кто за?

Подняли все. Даже Борис, хотя сделал это последним.

Зоя Петровна поставила в блокноте галочку. Затем написала крупными буквами: «НИКТО НЕ ВЫХОДИТ».

— Теперь ещё одно, — сказала она. — Если кто-то передумает, остальные не должны его бросать. Нужно остановить, поговорить. Не тащить силой, а объяснить.

— Не всегда успеешь объяснить, — тихо произнесла Лена.

Илья повернулся к ней.

— Почему?

Она посмотрела на него с лёгкой досадой, словно он пой-

мал её на неосторожной фразе.

— Геннадию не успели.

Он хотел возразить, но не нашёл слов.

Ближе к задней площадке Вика пыталась убрать волосы в пучок. Резинка лопнула, и тёмные пряди упали ей на лицо. Она выругалась, потом засмеялась — слишком громко для пустого ночного салона.

— Отлично. Для полного счастья мне ещё этого не хватало.

У Лены в кармане нашлась тонкая резинка, но Вика отказалась:

— У меня запасная, на. Лучше ты возьми. У тебя волосы тоже лезут в глаза.

Она вытянула из бокового отделения сумки вторую, фиолетовую. Лена натянула её на запястье.

— Спасибо.

— Вернёшь на конечной, — сказала Вика.

Слово «конечная» заставило всех одновременно притихнуть.

Лена так и оставила резинку на руке.

Илья записал на обороте чека: «Никто не выходит». Ручка царапала влажную бумагу. Рядом с ним Роман поставил время и добавил: «Если дверь откроется — сначала снимаем, потом решаем». Пока это выглядело планом.

Спустя несколько минут Роман показал Илье карту, скачанную до поездки. Синий кружок стоял посреди пустой об-

ласти. В отличие от начала маршрута, теперь место не определялось вообще. Илья объяснил: сами карты могут работать без интернета, но телефону всё равно нужен спутниковый сигнал для новых координат.

— Значит, нам его глушат, — сказал Роман.

— Возможно.

— А если это военная территория?

— Тогда мы должны были увидеть ограждения или предупреждения.

— Ты видел хоть одно название улицы за последние полчаса?

— Нет.

— То-то и оно.

Вика прижала ладони к вискам.

— Только не надо про военных. У меня отец служил, я вообще не хочу сейчас это слушать.

— А кого ты хочешь слушать? — спросила Оксана. — Волшебную сказку?

— Хотела бы кого-нибудь, кто скажет, что всё это скоро кончится.

В этот момент за стеклом возникла улица.

Не дорога среди полей, не промзона. Обычная городская улица с тротуаром, витринами и рекламными щитами. Чёрные окна домов сменялись ярко освещёнными окнами круглосуточных заведений.

— Город, — выдохнула Вика.

Она поднялась так резко, что ударилась коленом о поручень.

— Смотрите! Там люди должны быть!

Роман подбежал к окну. Небольшой перекрёсток, красный светофор, закрытая аптека. На остановочном павильоне висело объявление о продаже комнаты. Подходило всё — и ничего. Илья не узнавал улицы.

— Сейчас выедем куда-нибудь, — сказал Евгений. — Обязательно.

Автобус замедлил ход.

Над передней дверью тихо пискнул динамик.

«ОСТАНОВКА», — загорелось на табло.

— Все помнят, о чём договорились? — спросила Оксана.

Она оглядела пассажиров.

Вика кивнула первой. Потом остальные.

Илья тоже кивнул.

Впереди стоял старый кинотеатр. Его неоновую вывеску давно выключили, но один прямоугольный экран над афишами ещё светился.

Автобус остановился прямо напротив него.

На экране мелькнуло лицо мужчины.

Вика резко вдохнула.

— Не может быть, — сказала она.

Глава 6. Человек с экрана

Человек на экране кинотеатра повернул голову. Картинка была зернистой, снятой, вероятно, на старый телефон; губы двигались, но через стёкла автобуса ничего не было слышно. Вика вдруг подалась вперёд, как будто узнала не лицо, а привычку двигать нижней губой перед ответом.

Вика шагнула к стеклу и упёрлась в него ладонями.

— Это Арсений.

— Кто? — спросила Оксана.

— Мой… — Вика запнулась. — Мы раньше встречались.

На экране мужчина улыбнулся. Протянул руку к камере, и изображение на секунду закрылось его пальцами. Потом началось снова.

— Может, реклама? — предположил Борис.

— В два часа ночи? — Роман оглянулся. — И с её знакомым?

— Он когда-то снимал видео, — тихо сказала Вика. — Но это не то видео. Я его не видела.

Илья посмотрел на экран. Мужчине было лет тридцать. Светлые волосы, узкий нос, серый домашний свитер. На заднем плане угадывался кухонный шкаф с криво закреплённой дверцей. Съёмка выглядела обыкновенной, почти случайной.

Он вспомнил старые видео Маши, оставшиеся в телефо-

не: как она жаловалась на холодную батарею, снимала кота подруги, показывала сгоревшие сырники. Человек на экране кинотеатра тоже мог быть просто домашней записью.

Только почему её показывают здесь?

— Вика, — сказал Илья. — Вы уверены, что это он?

Она повернулась к нему. Под глазами расползлась тушь.

— Вы бы свою девушку не узнали?

Илья не ответил.

— Простите, — быстро добавила Вика. — Я не то хотела сказать.

На табло над дверью продолжало гореть «ОСТАНОВКА». Створки оставались закрытыми. Автобус стоял с работающим двигателем, и его лёгкая вибрация напоминала Илье: достаточно кому-то нажать на газ — и они снова окажутся в неизвестности.

Роман поднёс камеру к стеклу.

— Секунду. Давайте без паники. Если там большой экран, у него есть управляющий компьютер. Кто-то отправил файл. Это значит, что кто-то контролирует маршрут. И следит за нами.

— Отлично, — сказала Оксана. — Спасибо за утешение.

— Я не утешаю. Я объясняю.

— Объясни, как они узнали, что Вика села в этот автобус.

— Камеры. Распознавание лиц. Или заранее отобрали пассажиров. Это вполне реально.

Евгений посмотрел в окно, потом на собственный теле-

фон, где слабым зеленоватым светом горел значок зарядки.

— Может, надо хотя бы проверить, где мы? Табличку найти. Адрес кинотеатра.

— Выходить нельзя, — напомнила Зоя Петровна.

— Я и не предлагаю выходить. Фото вывески сделать. Потом сравним.

Но над входом в кинотеатр не было ни одного читаемого названия. От старой вывески остались отверстия в стене. Афишные тумбы пустовали. Номер дома закрывала полоса рекламного экрана.

— Здесь кто-нибудь бывал? — спросил Илья.

Все отрицательно покачали головами.

Вика не участвовала в разговоре. Она стояла, вцепившись в поручень, и смотрела на мужчину на экране. По её лицу Илья понял: она слышит даже то, что пока не звучит. Может быть, вспоминает старую ссору или угадывает движение губ.

— Он меня из дома однажды не выпускал, — сказала она вдруг.

Борис перестал шуршать пакетом.

— Что?

— Арсений. Когда мы жили вместе. Не бил, если вы об этом. Просто взял ключи и сказал, что я успокоюсь, когда перестану устраивать сцену.

Оксана открыла рот, но не произнесла ни слова.

— Я сидела на кухне до утра. А он спал. Утром сказал, что я сама всё придумала, что он просто хотел поговорить.

— И вы после этого с ним остались? — спросил Евгений.

Вика медленно повернулась к нему.

— Ещё на год. Да. Если хотите спросить, почему, у меня нет для вас хорошего ответа.

— Я не хотел вас обидеть.

— Знаю.

На экране Арсений перестал улыбаться. Сел ближе к камере, как будто собирался сообщить что-то важное.

Сердце глухо ударило у Ильи под рёбрами. Он не хотел слушать, что скажет незнакомец с экрана: чужая просьба о прощении слишком напоминала слова, которые он сам не успел произнести.

Из динамика над дверью послышался короткий щелчок.

— Вик, — произнёс мужской голос.

Вика вскрикнула и отступила назад. Зоя Петровна схватила её за руку.

— Вик. Послушай меня, пожалуйста.

Голос шёл из автобусной акустики. Совершенно отчётливо, с лёгкой хрипотцой на последнем слове.

— Они подключились к системе оповещения, — быстро сказал Роман. — Записывайте. Надо зафиксировать.

Вика смотрела на экран, забыв моргать.

— Я знаю, что поступал с тобой плохо, — продолжил голос. — Знаю, что ты не хочешь меня видеть. Но я должен тебе сказать одну вещь.

Мужчина на экране двигал губами в такт словам. Илья

присмотрелся: изображение едва заметно отставало от звука. Полсекунды, может быть, меньше.

— Это запись, — сказал он. — Он здесь не разговаривает с вами. Нам показывают файл.

— Откуда у них этот файл? — спросила Вика.

— Не знаю.

— Я его никогда не видела.

Роман принялся рассуждать о нейросетях и синтезе голоса. Илья слушал вполуха. Кто-то действительно мог получить видео Арсения из социальной сети, воспроизвести его лицо, собрать нужные фразы. Ещё несколько лет назад это казалось бы фантастикой. Теперь такие вещи делали ради шутки.

Только зачем кому-то понадобилась именно Виктория Лапина? Как узнать, что человек сломается от этих слов?

— Я нашёл твоё письмо, — сказал голос. — То, которое ты оставила под чайником.

Вика закрыла рот ладонью.

— Никакого письма я не писала, — прошептала она.

На экране мужчина говорил дальше:

— Я всё помню, Вик. Даже то, как ты в коридоре сказала мне: «Я хочу, чтобы ты хотя бы раз попросил прощения без слова „но“». Ты была права.

Зоя Петровна погладила Вику по плечу.

— Девочка, не слушай. Это кто-то специально делает.

— Я не писала ему письма, — повторила Вика. — Я со-

биралась. На листочке записала, что хочу сказать. Потом порвала.

— Мог остаться текст в телефоне, — предположил Илья.

— Он был на бумаге.

— Может быть, кто-то видел?

— Я жила одна. Уже после него.

Эту деталь Илья не смог объяснить. Но сама возможность скрытого наблюдения всё ещё оставалась. Пассажиры сидели под камерами; за пределами автобуса мог быть кто угодно.

Оксана заставила себя говорить деловым голосом:

— Неважно, откуда у них информация. Смысл один: пытаются вынудить тебя выйти. Мы договорились не выходить. Значит, не выходим.

— Я помню.

— Тогда отойди от стекла.

Вика послушалась. Села рядом с Зоей Петровной, вцепилась в свою сумку и уставилась в пол.

Затем динамик замолчал.

На экране снова пошли обычные рекламные кадры: осенняя акция, чьи-то руки с попкорном, надпись «СКОРО». Роман выдохнул и пожал плечами, словно показывал остальным: видите, самая обычная система демонстрации роликов.

Первые две минуты все ждали, что автобус тронется.

Он не трогался.

— Мы что, так и будем здесь стоять? — спросил Борис.

— Пусть стоит, — сказала Оксана. — Лучше, чем катать-

ся непонятно где.

Минуты тянулись. Роман считал их по секундомеру, Евгений проверял заряд, Зоя Петровна осторожно разминала пальцы, онемевшие от напряжения. Никто не отводил глаз от окна надолго.

Снаружи не появлялось ни прохожих, ни автомобилей. Свет в витринах горел. Светофор на перекрёстке менял сигналы для пустой дороги.

Где-то за стеной кинотеатра вдруг раздались аплодисменты. Короткие, дружные, как в зале после удачной шутки. Илья резко повернулся к окну. Под вывеской темнели запертые двери. Афишные рамки стояли пустыми.

Аплодисменты оборвались одновременно, будто кто-то выключил запись.

— Там люди? — спросила Зоя Петровна.

— Колонки, — ответил Роман. — У них звук рекламы может быть выведен наружу.

— Реклама закрытого кинотеатра в два часа ночи? — спросил Борис.

— Я не сказал, что она нормальная. Я сказал, откуда может идти звук.

Вика обхватила себя руками. Лена передвинулась ближе, оставив между ними одно пустое место, чтобы не навязывать близости. У Ильи вдруг мелькнула мысль: как быстро человек начинает замечать подобные мелочи, когда не может отвести взгляд от двери.

В салоне стало душно. Илья снял куртку. Возможно, их просто утомляли жарой и неподвижным ожиданием, пока не захочется выйти куда угодно.

— Может, в этом и смысл, — произнёс Роман. — Хотят, чтобы мы начали сами проситься наружу. Проверяют предел терпения.

— Тогда у них будет долгий вечер, — ответила Оксана.

Сейчас она звучала убедительно. Илья даже почувствовал краткое облегчение. Кажется, они нашли способ сопротивления: не двигаться, не спорить, не реагировать.

Он посмотрел на Лену. Та не следила за экраном кинотеатра. Она смотрела на Вику.

— Что? — спросил Илья тихо.

— Она всё равно его слушает.

Вика сидела неподвижно, опустив голову. Лишь губы едва шевелились, будто она повторяла услышанную фразу.

На экране снова появилось лицо Арсения.

На этот раз он был снят не дома. Мужчина стоял на улице у самого кинотеатра, в чёрном пальто, с поднятым воротником. Позади виднелась знакомая афишная тумба.

Вика резко поднялась.

— Он там, — сказала она. — Смотрите. Он прямо здесь.

Роман всмотрелся в кадр.

— Это может быть заранее снято.

— У него на воротнике вода. Дождь сейчас прошёл. Он здесь.

— В этом городе дождь мог пройти когда угодно, — сказал Илья.

На экране мужчина повернулся через плечо.

А затем в темноте между кинотеатром и остановкой действительно показалась высокая фигура в чёрном пальто.

Борис вскочил.

— Вот он! Живой! Я же говорил, кто-то нас снимает!

Человек стоял слишком далеко, чтобы рассмотреть лицо. Но его силуэт совпадал с экранным — тот же воротник, та же посадка головы, руки в карманах.

Вика медленно подошла к закрытой двери.

— Арсений? — позвала она.

Фигура не ответила.

Илья почувствовал, как Лена остановилась рядом с ним.

— Не дай ей выйти, — сказала она едва слышно.

Он посмотрел на девушку, но та уже шагнула к Вике.

Из динамика над дверью прозвучало:

— Вик, я здесь. Просто выслушай меня.

И в тот же миг дверь автобуса с шипением раскрылась.

Глава 7. Обратно

— Не подходите к двери! — крикнула Оксана.

Вика стояла у передней площадки. Снизу на её лицо падал резкий свет, под глазами проступали мокрые дорожки туши. За дверью начинался самый обычный тротуар: тёмная плитка, жёлтая полоса, окурок у решётки. Именно его обыденность и пугала.

Ничего похожего на то поле, где остался Геннадий.

— Арсений! — позвала Вика ещё раз.

Фигура у кинотеатра приподняла руку.

— Это он, — сказала она. — У него рука после аварии плохо разгибается. Посмотрите, он всегда так здоровается.

Роман шумно втянул воздух.

— Вика, один жест можно скопировать. Он видел ваше видео. Кто угодно мог выучить.

— Ты вообще понимаешь, о чём говоришь? — Она не сводила глаз с фигуры. — У него там шрам. Я его сама перевязывала.

— Отсюда шрама не видно.

— Я знаю!

Илья шагнул к передней площадке. Лена задержала его ладонью на локте. На этот раз не удерживала, только привлекла внимание.

— Говори с ней, — попросила она.

Илья кивнул. Он сам не понял, почему сделал это так послушно.

— Вика, послушайте. Если это действительно ваш Арсений, как он здесь оказался? Посреди неизвестного города, именно на нашей остановке? Откуда он знает, что мы едем этим автобусом?

Она обернулась. На секунду в её лице появилось прежнее здравомыслие.

— Я не знаю.

— Значит, подождём.

— Чего?

— Пока он сам подойдёт. Мы все посмотрим на него. Спросим, куда нас привезли. Пусть он объяснит, откуда взялся.

Вика переводила взгляд с Ильи на человека у кинотеатра.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Хорошо, пусть подойдёт.

Оксана выдохнула и показала ей место возле поручня. Они стояли полукругом у открытой двери: Илья, Лена, Вика, Оксана, Роман. Борис наблюдал с заднего ряда. Зоя Петровна сидела у прохода, готовая в любой момент подняться. Евгений держал телефон подключённым к ненадёжному разъёму и записывал звук.

Человек на улице не двигался.

— Арсений, — сказала Вика уже твёрже, — иди сюда. Если хочешь поговорить — подходи к автобусу.

Фигура чуть наклонила голову.

— Вик, — раздалось из динамика, — пожалуйста. Я не могу туда войти.

— Почему? — тут же спросил Роман.

Ответа не было.

— Ну вот, — сказал он. — Заранее записанное видео. Голос не отвечает на вопросы.

— А если у него микрофон? — спросила Оксана.

— Тогда почему молчит?

— Может, ждёт, пока мы уйдём?

На экране кинотеатра Арсений снова появился крупным планом. Теперь он сидел в автомобиле, пристёгнутый ремнём. Дворники двигались по лобовому стеклу, разбрызгивая дождевую воду. Он говорил то же самое: просил Вику выслушать, обещал объяснить.

— Подборка роликов, — сказал Илья. — Возможно, кто-то склеил их из разных записей. Вы ведь когда-нибудь снимали его на телефон?

— Конечно снимала. Мы четыре года вместе были.

Илья почувствовал, как эти четыре года тяжело ложатся между ними. Маша прожила рядом с ним почти столько же. И там тоже остались записи, фотографии, глупые переписки. Всё то, чем можно воспользоваться, если знать, куда ударить.

— Если вас специально пытаются заставить выйти, — сказал он, — сейчас они выбрали самое болезненное. Не помогайте им.

Вика тихо ответила:

— Я и так всю жизнь ему помогала.

Она отошла от двери и села на ближайшее сиденье. Илья почувствовал осторожную надежду. Кажется, у них получилось.

На улице по-прежнему никого не было, кроме фигуры у кинотеатра. Светофор сменил цвет три раза. За окнами не проехала ни одна машина.

Роман вслух отсчитывал минуты.

— Семь… восемь… Мы стоим уже восемь минут. Двигатель работает. Тормоза держат. Дверь открыта. Если это беспилотник, у него программа ожидания.

— Может, ждёт, пока кто-то выйдет, — сказал Борис.

Слова прозвучали слишком громко.

Оксана повернулась.

— Не надо давать людям такие идеи.

— Я ничего не предлагаю. Я говорю, что вижу. В прошлый раз тот мужик вышел, и мы поехали. Теперь никто не выходит — стоим.

Зоя Петровна закрыла блокнот.

— Совпадение не значит правило.

— Два раза — уже на что-то похоже, — возразил Борис.

— Геннадий выходил, потому что собирался проверить кабину, — сказал Илья. — Сейчас нас могут просто держать на месте. Чтобы мы сами начали нервничать.

— Значит, работает, — произнёс Евгений. — Потому что

я уже нервничаю.

Он улыбнулся криво и снова посмотрел на экран телефона. Илья заметил, что заряд поднялся до двенадцати процентов.

За дверью пахло мокрой листвой. Из кинотеатра донёсся едва различимый металлический скрежет, будто внутри опустили тяжёлую решётку.

Илья прислушался. Ему захотелось захлопнуть дверь, спрятаться за ней. Но управление было не у них. Автобус держал её открытой, как хозяин, который терпеливо ждёт гостей.

— Слушайте, — сказала Вика.

Все повернулись.

— А если этот человек действительно тут живёт? Если они привезли его сюда и заставляют играть? Может, он тоже не может уйти?

— Тогда тем более не надо к нему идти, — ответила Оксана.

— Он может знать, где Геннадий.

Эта мысль повисла в воздухе. Вика смотрела на Илью. Он понял: она ищет не только оправдание собственному желанию поговорить с Арсением. Она хочет верить, что за дверью существует кто-то, кто может объяснить судьбу первого пассажира.

— Можно спросить его отсюда, — сказал Илья.

— Спрашивали. Он не отвечает.

— И это тоже ответ.

Вика покачала головой. Она выглядела не легкомысленной, а бесконечно усталой.

— Я три месяца училась не проверять его страницу. Не открывать сообщения. Если он появлялся у салона, я уходила через другой выход. Я думала, что больше никогда не посмотрю ему в лицо. И сейчас не хочу. Правда. Но если это не он, то пусть хотя бы скажет, кто нас сюда посадил.

Лена села рядом с ней.

— Ты не обязана с ним разговаривать, — сказала она.

— Ты не понимаешь.

— Возможно. Но здесь есть люди, которые готовы тебя выслушать, даже если ты ничего не объяснишь.

Вика посмотрела на неё, потом опустила глаза на фиолетовую резинку у Лены на запястье.

— Это моя, — сказала она вдруг.

— Ты мне дала.

— Да. Забыла.

И они обе на мгновение улыбнулись. У Ильи защемило в груди от этой нелепой маленькой улыбки посреди кошмара.

Потом на улице раздался звук.

Не из динамика автобуса. Где-то справа, возле стены кинотеатра, что-то ударилось о металлическую дверь. Фигура в чёрном пальто вздрогнула, обернулась через плечо и сделала шаг назад, к темноте между зданиями.

— Арсений! — вскрикнула Вика.

Он поднял руку, но теперь уже не в приветствии. Скорее так машут, когда просят кого-то подождать.

Из динамика прозвучало:

— Вик, я не хочу, чтобы ты снова ушла, не выслушав меня.

— Если ты настоящий, — крикнула она, — скажи, как называл меня, когда мы первый раз поехали к твоим родителям!

Мужчина на улице не шевельнулся.

Голос продолжал прежнюю фразу, словно её вопроса не существовало:

— Я знаю, что был неправ. Я правда всё понял.

Роман вскинул руки.

— Слышите? Запись. Он не реагирует. Как автоответчик!

Но Вика уже не смотрела на экран. Она смотрела на фигуру у стены.

— Повернись, — прошептала она. — Просто повернись ко мне.

Человек начал отходить в тень.

Вика вскочила.

Илья успел схватить её за рукав.

— Не надо.

— Он сейчас уйдёт!

— Пусть уходит.

— Это ты можешь так говорить!

Она рванулась. Ткань выскользнула из пальцев Ильи. Ок-

сана шагнула к ней, но задела локтем поручень. Вика уже стояла на нижней ступеньке.

— Вика, стой! — закричала Зоя Петровна.

Девушка обернулась. Илья увидел на её лице злость, страх и отчаянное желание доказать самой себе, что теперь никто не может приказывать ей, куда идти.

— Я только проверю, — сказала Вика. — Не пойду за ним. Пусть повернётся ко мне. Одно движение, и вы сами увидите, что там кто-то настоящий.

— Здесь нельзя проверять вот так, — сказал Илья. — Геннадий тоже хотел только посмотреть.

Она застыла. Эти слова подействовали сильнее других.

— Я вернусь, — сказала Вика почти шёпотом.

Поставила ногу на тротуар.

Лена резко поднялась. Илья уже шагнул к ней, собираясь перехватить за плечи, когда над дверью прозвучал первый предупреждающий сигнал.

— Назад! — крикнул он.

Вика повернулась к автобусу.

Второй сигнал.

— Я же здесь! — закричала она. — Я никуда не ушла!

Она сделала шаг обратно. Илья вытянул руку через проход, стараясь схватить её ладонь.

И тут на экране кинотеатра исчезло лицо Арсения.

На экране появилось изображение самого автобуса — вид снаружи, сбоку. Открытая дверь. Девушка в песочной курт-

ке, стоящая одной ногой на ступеньке.

Вика посмотрела через плечо.

Илья тоже.

Картинка была снята с высоты, будто на углу здания висела ещё одна камера. Это всё ещё можно было объяснить наблюдением. Но видеть себя на огромном экране, когда тебя пытаются вернуть в автобус, оказалось страшнее, чем он ожидал.

— Они нас снимают, — выдохнула Вика. — Всё это время…

Створки пошли навстречу друг другу.

Илья потянулся вперёд, но успел коснуться только края её рукава. Вика отдёрнула руку, спасаясь от закрывающейся створки, и оказалась на тротуаре.

Дверь сомкнулась.

Оксана ударила по ней обеими ладонями.

— Откройте! Она же здесь! Откройте немедленно!

Вика стояла в полуметре от стекла. Её губы двигались, но за дверью было не слышно слов. Она оглянулась на мужчину в чёрном пальто.

Тот всё ещё был у кинотеатра.

Он стоял совершенно неподвижно, пока электронный экран над его головой продолжал показывать лицо Вики крупным планом.

На экране она выглядела так, словно смотрела прямо в камеру. Глаза расширены, рот приоткрыт.

А настоящая Вика перед дверью больше не смотрела на них.

Она медленно пятилась назад, не поворачиваясь к тёмному проходу между домами.

Илья услышал, как Евгений позади него говорит:

— Что там? Что она увидела?

Вика ударила ладонью по стеклу снаружи.

— Пустите! — прочитал Илья по её губам.

Автобус тронулся.

Сначала очень медленно. Так медленно, что Илья успел пройти вдоль двери, не выпуская девушку из виду. Вика побежала рядом, поскользнулась на мокрой плитке, выпрямилась и снова ударила рукой по стеклу.

— Остановись! — закричал Илья в пустую кабину. — Она хочет обратно!

Свет кинотеатра скользнул по окнам. Автобус повернул за угол.

Последнее, что увидел Илья, — Вика стояла на краю тротуара и смотрела вслед. Рядом с ней никого не было.

Секунду спустя дома закончились. За стеклом снова потянулась тёмная дорога.

Илья долго не мог разжать пальцы. Он так крепко держался за поручень, что перестал чувствовать кончики пальцев.

— Я её видел, — сказал Роман. — Она не исчезла. Стояла на улице. Вы все видели?

— Видели, — ответил Борис.

— Значит, их где-то забирают. Там должны быть машины, люди. Она могла добежать до ближайшего дома.

— Тогда почему не было ни одной машины? — спросил Евгений.

— Не знаю. Это не значит, что их нет.

Оксана стояла у двери, опустив руки. Впервые за вечер она ничего не предлагала. Зоя Петровна смотрела на неё с такой жалостью, что Илья отвёл глаза.

— Мы ведь договорились, — произнесла Оксана. — Все согласились.

— Она боялась, — сказала Лена.

— Мы все боимся.

— Да.

Оксана обернулась к ней, словно ожидала спора. Лена ничего не добавила.

Отец Михаил поднял с пола Викину сумку. Она упала возле сиденья, когда девушка бросилась к двери. На молнии болтался брелок в форме маленького лимона.

— Может быть, она вернётся, — тихо сказал он. — Не стоит считать человека погибшим, если мы не знаем его судьбы.

— А как же Геннадий? — спросила Зоя Петровна.

— И о нём мы не знаем.

Илья смотрел на фиолетовую резинку у Лены на запястье. Она всё ещё была там. Простая вещь, которую Вика собиралась забрать на конечной.

— Я хочу пересмотреть видео, — сказал он.

Роман сразу поднял телефон.

— У меня всё записано.

Он прокрутил ролик к моменту, когда Вика оборачивалась на человека у кинотеатра. На записи были экран, тротуар, тёмный проход, Вика у двери. Илья остановил кадр.

— Увеличь.

— Там темно.

— Всё равно.

Роман раздвинул пальцы. Изображение рассыпалось на крупные цветные квадраты. Мужчина в чёрном пальто был виден лишь силуэтом. Ни глаз, ни лица, ни шрама на руке.

— Мог быть кто угодно, — сказал Илья.

— Мог, — согласился Роман. — Это и пугает.

Они пересмотрели запись ещё раз. До самого момента, когда автобус начал двигаться, она выглядела обычной. Никаких исчезновений в воздухе, теней без хозяев или внезапно открывшихся провалов. Только девушка, которая хотела вернуться, и дверь, которую нельзя открыть.

Илья убрал телефон. Возле его имени в старом списке Зои Петровны по-прежнему стояло «в автобусе».

Теперь таких пометок осталось восемь.

Лена подошла к нему, но не стала прикасаться.

— Ты сделал всё, что мог, — сказала она.

Его передёрнуло.

— Не говори так. Не надо.

— Хорошо.

Он сел. Несколько секунд смотрел на тёмный экран своего телефона, затем машинально открыл фотографии. Машино лицо вспыхнуло на стекле: веснушки на переносице, смешная прядь, выбившаяся из-за уха. На фотографии она держала в ладони персик и смеялась.

— Это она? — негромко спросила Лена.

Илья не заметил, как девушка села рядом. Он хотел убрать телефон, но в этот раз не стал.

— Маша.

— Красивая.

— Она умерла два месяца назад.

Лена долго молчала.

— Мне жаль, — сказала она наконец.

Илья кивнул, не глядя на неё. Он ожидал привычных вопросов, предложений держаться, заверений, что время лечит. Но Лена ничего больше не сказала.

Автобус набирал скорость.

Где-то впереди, за пустой перегородкой, сухо щёлкнуло реле.

Илья заставил себя снова посмотреть в окно.

— Мы её оставили, — произнёс он.

— Она вышла сама.

— А мы поехали.

Лена не ответила.

Он смотрел в темноту до тех пор, пока не заметил впереди знакомый цвет. Красная полоса над плоским навесом. Жёл-

тый рекламный щит с оторванным углом.

Та самая заправка.

— Роман, — позвал Илья, не отрывая взгляда от окна. — Ты помнишь, какая была вывеска у той заправки?

— Красная. А что?

— И щит жёлтый, сбоку порванный?

Роман подошёл к его окну.

Заправка медленно проплыла мимо. Четыре колонки. Погашенная касса. Контейнер у забора.

— Похожа, — сказал Роман. — Сеть одна и та же, может быть.

— Даже щит порван в том же месте.

Роман ничего не сказал.

После заправки автобус несколько раз сворачивал, но ни один поворот не вёл назад — Илья запоминал их по сторонам света, насколько позволяли редкие фонари. И всё-таки впереди опять возникал тот же красный навес. Он перестал доверять даже этой простой последовательности.

Когда последний огонёк остался позади, Илья увидел в тёмном стекле собственное отражение.

И неожиданно заметил, что он всё ещё держит телефон с фотографией Маши, хотя экран давно погас.

Он заставил себя убрать его в карман.

Впереди дорога снова погрузилась во тьму.

Глава 8. Одна и та же дорога

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.